

ЛИЧНОСТНЫЙ ФАКТОР АУТОДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ПОДРОСТКОВ

Российский государственный гидрометеорологический университет
(Россия, Санкт-Петербург, Воронежская ул., д. 79)

В работе представлено исследование влияния личность подростка на саморазрушительное поведение. Автор считает, что основная причина аутодеструктивного поведения подростков заключается в особенностях развития их личности. В связи с этим ставится вопрос о внутренней работе личности подростка, ее самосознания в генезисе аутодеструкции, о том, что и как в личности запускает энергию саморазрушения. Целью исследования является выявление неспецифического и специфического вклада личности подростков в формировании аутодеструкции. На репрезентативной выборке подростков ($n = 600$) проведено комплексное психологическое и математико-статистическое исследование, позволившее ввести комплексную личностную переменную Фактор I как ключевую детерминанту аутодеструктивного поведения. Исследование показало важные вклады (общий и специфический) психологических составляющих личности в процессы самодетерминации саморазрушения в различных жизненных ситуациях.

Ключевые слова: подросток, аутодеструктивное поведение, личность, мишени коррекции, фактор аутодеструкции.

Введение

Аутодеструктивное поведение – поведение, противоречащее самосуществлению человека, достижению его биологического, психологического и социального благополучия, направленное не на рост и развитие, а на саморазрушение и преждевременную смерть [3]. Такое поведение отличается от внешнедеструктивного, которое характеризуется нарушением правовых норм, угрозе общественному порядку и благополучию людей. Всплеск аутодеструктивной разновидности девиаций наблюдается в подростковом возрасте. Распространенными среди современных подростков проявлениями саморазрушения являются: аддиктивное или зависимое поведение (курение, употребление алкоголя, пробы наркотиков, чрезмерная увлеченность интернетом), рискованное поведение (увлеченность экстремальным досугом, виктимное поведение, случайный секс), социально-

Ипатов Андрей Владимирович – канд. психол. наук доцент, доцент каф. социально-гуманитарных наук, Рос. гос. гидрометеорологический ун-т (Россия, 192007, Санкт-Петербург, Воронежская ул., д. 79), e-mail: spbavi@mail.ru.

пассивное поведение (уклонение от учебы, бегства из дома, бродяжничество и попрошайничество, физически малоактивный образ жизни и др.), аутоагрессивное поведение (самоповреждения, попытки суицида). Постоянство данных явлений и их нежелательный динамизм среди несовершеннолетних представляет серьёзную проблему для современного общества.

Причинами такого поведения специалисты называют девиантную социализацию, социально-психологическую дезадаптацию, дисгармоничный дизонтогенез, специфическую индивидуально-психологическую структуру психики индивида [4, 7, 11]. Сложившаяся научно-методологическая традиция в исследовании отклонений в поведении состоит в том, что акцент ставится на обстоятельствах и закономерностях, не зависящих от человека. Такой объективистский подход рассматривает личность как носителя тех или иных имманентных проблем, присущих самой природе человека. Дети, подростки рассматриваются жертвами неблагоприятных условий взросления, поэтому при организации психопрофилактики они чаще всего являются объектом вмешательства. Отсюда преобладание преодолевающих риски аутодеструкции технологий коррекции над фасилитирующими личностные ресурсы саморазвития. Подростковый возраст традиционно считается трудным, поведенческие отклонения – это скорее норма для подростка [2, 12]. Признается, что рискованное поведение у подростков имеет определенное эволюционное значение, так как наблюдается и у животных [13]. Вместе с тем анализ субъективных факторов, препятствующих прогрессивному развитию и самореализации человека, в научной литературе представлен недостаточно. Не учитывается третий фактор развития – личность самого подростка при исследованиях саморазрушительного поведения. Между тем, задача нормального развития личности – стать самостоятельным человеком. Ее решение связано с важнейшим событием подросткового возраста – вторым рождением личности (по А.Н. Леонтьеву), когда подросток обретает способность к «самостоянью», т. е. не только способен делать что-то сам, но и определять способ «бытия субъектом» [14].

В контексте ориентации современной научной психологии на методологию субъекта конкретные исследования проблем личности должны учитывать «вклад» самого человека как сознательно преобразующего себя и окружающий мир, «провоцирующего» актуализацию проблем и активно ищущего пути их разрешения.

Поэтому мы предлагаем ещё одну модель детерминации, учитывающую вклад самого подростка в выбор аутодеструкции как отклоняющейся

формы саморазвития. Мы считаем, что основная причина аутодеструктивного поведения подростков заключается в особенностях развития их личности. Все чаще в современной науке за понятием личности предстают механизмы саморегуляции, механизмы контроля и овладения своим поведением. Поэтому объем наших знаний о сущности аутодеструкции и возможностях ее коррекции будет заведомо неполным, если не ставить вопросы о внутренней работе личности подростка, ее самосознания в генезисе аутодеструктивного поведения, о том, что и как в личности генерирует энергию саморазрушения.

Пока человек не созрел до уровня рефлексивного сознания и субъекта своей жизни, он не совершает аутодеструктивного поступка сознательно. Поэтому фиксируемый статистикой всплеск аутодеструкции приходится на подростковый возраст, когда решаются задачи развития самосознания, рефлексии, субъектности.

Личность – системная и динамическая организация индивидуально-психологических характеристик, способная самостоятельно, мудро и гибко действовать успешно даже в неблагоприятных ситуациях. В отличие от других уровней психической организации человека (индивидного и социально-индивидного, зависимых от внешних и внутренних обстоятельств), личность обладает автономностью и может преодолевать внешние и внутренние ограничения в процессе саморазвития.

В случае позитивного (норма) варианта психологического развития подросток овладевает своим поведением, у него формируются механизмы разрешения мотивационных конфликтов, связанных с волей и сознанием. Но отсутствие или недостаточность самостоятельности (саморегуляции) как центральной характеристики личности является подтверждением девиантного развития подростка.

Отклонения в развитии личности состоят в том, что личность подростка не выполняет свою основную функцию – саморегуляцию поведения на основе самосознания. Подростковый возраст представляет сенситивный период для становления личности как высшей формы саморегуляции. На данном этапе она наиболее уязвима, особенно если есть патологические факторы – результаты предыдущего развития. В самосознании подросток открывает нечто, что побуждает его делать выбор в пользу саморазрушения, а не саморазвития. Это и есть вклад личности в аутодеструкцию. К сожалению, личность самого подростка в аутодеструкции практически не изучена. Отсюда и слабость коррекции, так как воздействие идет на симптомы, а не на ключевой фактор.

По мнению ученых, в частности К. Левина, поведение человека определяется двумя факторами: личность и жизненная ситуация. Ситуация задает вопрос (проблему), но ответ выбирает личность через призму своего сознания и этой ситуации, и самого себя. Слабая личность «передает» управление поведением на уровень социального индивида (квазинормативные черты характера). Смысл аутодеструктивного поступка для подростка будет разным в разных ситуациях

Целью нашего исследования является выявление неспецифического и специфического вклада личности подростков в формировании аутодеструкции. Говоря о неспецифическом вкладе, мы имеем в виду прямое влияние личностных особенностей на поведение.

Мы считаем, что в различных жизненных ситуациях аутодеструктивное поведение подростка будет детерминировано не только слабостью регуляторной функции личности (предиктор), но и синергией взаимодействия индивидуально-психологических и жизненных ситуационных особенностей. В этом случае слабость личностного ресурса будет осуществлять роль (функцию) опосредования (модерационная функция). Недостаточность личностных ресурсов подростка опосредует выбор аутодеструктивных паттернов поведения в ситуациях социального давления, угрозы благополучию, противоречивых требований и самоопределения, изменяя субъективную оценку ситуаций и усиливая действие неадаптивных стратегий их разрешения и преодоления. В этом заключается модерационная функция личности в генезисе саморазрушения у подростков. Данная характеристика является ключевой детерминантой аутодеструктивного поведения, её то мы и попытаемся выявить.

Материал исследования

Нами была сформирована группа подростков 13–15 лет в количестве 600 чел. В исследовательскую выборку вошли подростки – учащиеся общеобразовательных школ Санкт-Петербурга и Тверской области, воспитанники социально-реабилитационного центра, клиенты центров психолого-педагогического сопровождения.

Группа не дифференцировалась по полу, так как мы стремились выявить общие для формирования аутодеструктивного поведения личностные особенности, вне зависимости от пола испытуемых.

К девиациям больше склонны мальчики, чем девочки. Это находит свое выражение в соотношении мальчиков и девочек в группах риска. Подростки-мальчики в таких группах явно преобладают. Так в Санкт-

Петербургских государственных казенных специальных учебно-воспитательных учреждениях для обучающихся с девиантным поведением (специальная школа) воспитанники исключительно мужского пола. В силу этого факта уравнивать исследуемые группы подростков с аутодеструктивным поведением по половому составу становится крайне затруднительно.

Отметим, что, показывая статистические данные по девиантным подросткам, ни ВОЗ, ни Росстат не делят их по половому признаку [8]. Эта традиция неслучайна, девиации преобладают в мальчиковой среде.

Объяснение дизайна исследования

Аутодеструктивное поведение рассматривается в качестве зависимой переменной. Исследователь здесь исходит из предположения, что существуют психологические переменные, выступающие его предикторами. Результатом анализа становится выявление и описание характеристик, обладающих наибольшей прогностической способностью в отношении изучаемого феномена. Используется регрессионный анализ. Полученные регрессионные уравнения позволяют строить более надежные объяснительные модели саморазрушения, а значит и более точно выбирать мишени психологических воздействий при его коррекции и профилактики. В этом плане следует выделить интегративный подход к детерминантам саморазрушения, раскрывающий совокупность возможных переменных, влияющих на поведение. Следуя логике Дж. Гилфорда (Guilford, 1967) об общем генеральном факторе интеллекта, а также современным концепциям об интегральной личностной характеристике (стержне, ядре), которая ответственна за саморегуляцию (Дж. Ловингер, 1976; S. Hobfoll, 2011; Д.А. Леонтьев, 2011), можно выявить такую характеристику как ключевую детерминанту саморазрушения. На языке статистики показателем предсказательной «хорошести» построенной модели будет коэффициент множественной дисперсии и его статистическая значимость по критерию F-Фишера.

Обоснование системного эффекта возможно с помощью процедур модерационного регрессионного анализа.

Аутодеструкция обусловлена не универсальным и статичным свойством или набором таких свойств, а скорее исходя из понимания личности как активной динамической системы, гибким сочетанием личностных параметров и конкретной ситуации. В субъективно различно воспринимаемых социальных ситуациях выбор аутодеструкции подростком будет определяться не только общим дефицитом личностной регуляции (предикативная функция), но и системным взаимодействием индивидуально-психо-

логических и ситуативных особенностей, в котором личностный дефицит будет выполнять функцию опосредования (модерационная функция).

Методы исследования

Выбор методик определяется тем, что с их помощью можно выявить самосознание подростков, что они думают о себе, как они оценивают себя, других людей. Все методики построены на самоотчете.

В исследовании были использованы следующие методики [1]:

- самосознание подростка, субъективный взгляд на себя и других людей (выявляют осознаваемые качества и адекватность их самовосприятия; актуализируют у подростка столкновение двух противоположных установок – на самораскрытие и самозащиту и т. д.);
- исследование эмоционально-волевых, коммуникативных, интеллектуальных свойств личности по самооценке Т. Дембо – С. Рубинштейн (модификация И.И. Мамайчук);
- подростковый вариант многофакторной методики Р.Б. Кеттелла – выявляет 14 факторов личности;
- тест-опросник самоотношения В.В. Столина, С.Р. Пантилеева (ОСО) – позволяет выявить три уровня самоотношения, отличающихся по степени обобщенности: глобальное самоотношение; самоотношение, дифференцированное по самоуважению, аутосимпатии, самоинтересу и ожиданиям отношения к себе; уровень конкретных действий (готовности к ним) в отношении к своему «Я»;
- опросник «Ауто- и гетероагрессия», разработан Е.П. Ильиным для определения направленности агрессии на себя или на других;
- опросник «ДАП-II» – выявляет среди подростков склонных к различным видам аутодеструктивного поведения (аддиктивному, суицидальному) [5, 10];
- ПОР (подростки о родителях) – направлен на выявление отношения подростков к воспитательной практике родителей;
- тест Т. Лири – направлен на диагностику межличностных отношений;
- нормативность развития;
- методика «Адаптивность» А.Г. Маклакова, С.В. Чермянин (МЛО, 1 часть) – измеряет интегральные возможности психического и личностного развития;
- модифицированный опросник для идентификации типов акцентуаций характера у подростков А.Е. Личко (модификация Немова);

- отклоняющееся поведение и его регулярность;
- анкета для определения индекса аутодеструкции/деструкции у подростков;
- внутришкольная статистика подростков, нарушающих нормы поведения (внутришкольный учет).

Математико-статистическая обработка и анализ данных производилась в программном пакете «Statistica 10.0» и включала в себя дескриптивный, факторный, регрессионный и модерационный анализ.

Для определения индекса аутодеструкции респондентов анонимно просили ответить на вопросы специальной анкеты об актах саморазрушительного поведения и их регулярности. Средний индекс аутодеструкции для $N = 600$ составляет 0,253, величина стандартного отклонения равна 0,15; минимальное значение индекса равно 0,125, максимальное – 0,5. Таким образом, в группе представлены подростки с разным опытом саморазрушения. При проведении статистических процедур группа не дифференцировалась по уровню аутодеструктивности.

В исследовательской выборке отсутствовали подростки с внешнедеструктивным (по данным самоотчета и анализа учетных документов образовательных организаций).

Результаты и их обсуждение

В табл. 1 представлены описательные статистики диагностических измерений.

Таблица 1
Описательные статистики

Переменная	Среднее	Стандартное отклонение	Переменная	Среднее	Стандартное отклонение
A	5,76	0,90	Подчиняемость	5,97	1,54
B	4,88	2,40	Зависимость	6,31	1,45
C	5,52	0,89	Дружелюбность	7,15	1,01
D	5,62	1,15	Альтруистичность	7,96	1,29
E	5,52	1,05	Самоотношение	17,16	0,93
F	4,89	1,26	Поведенческая регуляция	35,37	9,74
G	5,25	0,96	Коммуникативный потенциал	16,78	3,09
H	5,58	0,97	Моральная нормативность	10,76	2,94

I	5,98	1,04	ЛАП	62,55	11,96
J	4,38	0,87	Позитивная мать	2,81	1,15
O	5,35	1,11	Директивная мать	2,47	1,13
Q2	4,94	1,26	Враждебная мать	2,58	1,11
Q3	5,35	0,96	Автономная мать	2,85	1,02
Q4	5,31	0,96	Непоследовательная мать	3,30	1,10
AS	6,29	0,67	Позитивный отец	2,70	1,11
BS	5,51	1,23	Директивный отец	2,60	1,15
CS	5,32	0,59	Враждебный отец	3,35	1,09
DS	5,93	0,96	Автономный отец	2,90	1,13
ES	5,89	0,44	Непоследовательный отец	3,11	1,06
FS	5,47	0,60	Девиантное поведение	54,14	10,95
GS	5,98	1,16	Гипертимный тип	16,81	6,65
HS	6,47	0,54	Циклоидный тип	10,36	3,99
IS	7,16	0,75	Лабильный тип	14,04	5,23
JS	4,49	0,59	Астеноневротический тип	6,53	2,964
OS	6,16	1,43	Сензитивный тип	14,64	7,23
Q2S	3,99	1,48	Психоастенический тип	13,97	6,55
Q3S	6,95	0,90	Шизоидный тип	10,16	4,86
Q4S	5,42	0,57	Эпилептоидный тип	10,21	6,33
Агрессия/ Аутоагрессия	5,12	2,00	Истероидный тип	11,23	5,024
Авторитарность	8,80	1,15	Неустойчивый тип	6,09	2,78
Эгоистичность	7,99	1,18	Контрольная шкала	4,03	1,56
Агрессивность	7,81	1,10	Индекс аутодестр.	0,25	0,15
Подозрительность	7,76	0,61			

Из данных, представленных в табл. 1, мы видим, что группа характеризуется широким диапазоном психологических переменных. Представленные данные по совокупности явно не указывают на выраженные признаки дезадаптивности подростков, их дисгармоничного развития или девиантной социализации. Однако отметим, что усредненный профиль адаптационных способностей (ЛАП) смещен в сторону низких значений. Основной вклад в это снижение вносит поведенческая регуляция (среднегрупповой показатель соответствует 3 стенам; 34 % участников исследования имеют удовлетворительный и выше уровень ПР). По уровню коммуникативного потенциала 41 % респондентов находится в группе удовлетворительной и более адаптации; по признакам моральной нормативности этот процент составляет 77. Нет ничего из ряда вон выходящего в полученных результатах, учитывая особенности развития подростков в этот возрастной период. Несмотря на практику применения методики МЛЮ для подростков, заметим, что необходимо уточнение критериев оценки резуль-

татов указанной методики [6, 9].

Как показывает данные таблицы 1, величина индекса аутодеструкции свидетельствует о наличии у подростков аутодеструктивного поведения.

В логике идей о существовании интегральной психологической характеристики личности, ответственной за саморегуляцию (Дж. Ловингер, 1976; S. Hobfoll, 2011; Д.А. Леонтьев, 2011), мы попытались выявить такую характеристику как ключевую детерминанту саморазрушения с помощью процедур факторного анализа. Были получены несколько факторов, из них мы выделили один двухполюсной фактор с собственным значением, превышающим единицу ($\text{eigenvalue} = 6,7$), объясняющий 52 % дисперсии. Такая величина объясняемой дисперсии дает нам основание считать полученный фактор допустимым для использования его в качестве интегрального показателя личностных особенностей в дальнейшей работе с результатами исследования. С высокими факторными нагрузками ($\geq 0,5$ по модулю) в фактор входят следующие переменные: самооценка независимости Q2S (+0,92), вербальный интеллект В (+0,91), самоотношение (+0,55), личностный адаптивный потенциал ЛАП (-0,95), самооценка тревожности OS (-0,939), склонность к девиантному поведению (-0,862), подчиняемость (-0,67) и альтруистичность (-0,58). По своему содержанию фактор определен нами как личностная автономия, самостоятельность, способность к самоопределению.

Цель нормативного развития личности – стать самодостаточной личностью. Поэтому незрелость самостоятельности как основного признака личности служит подтверждением отклоняющегося развития подростка.

Полученные результаты позволили нам ввести комплексную личностную переменную Фактор I, факторные нагрузки нами использовались для определения весов коэффициентов уравнения регрессии. Переменные, не вошедшие в состав Фактора I, а также с нагрузками менее 0,45 по данному Фактору, включены в последующий регрессионный анализ как самостоятельные (аутоагрессия, родительские стили воспитания, черты личности, акцентуации характера, самооценочные характеристики стилей общения).

Процедура регрессионного анализа показала, что Фактор I объясняет 72 % дисперсии индекса аутодеструкции подростков ($N = 600$), его вклад в прогнозирование аутодеструкции саморазрушения составляет $\beta = 0,83$. Это говорит о том, что Фактор I обладает очень высокой информативностью для предсказания аутодеструкции. Поэтапное включение в уравнение регрессии (модель) в статусе самостоятельных других переменных (аутоаг-

рессия, сила «Я», совестливость, коллективизм и т. д.) не привело к значительному увеличению процента дисперсии, что свидетельствует об их незначимости как предикторов саморазрушения.

Следует обратить внимание на исключение переменной «аутоагрессия» из предсказательной модели аутодеструкции. Это говорит о том, что у подростков нет намерения причинить себе вред, саморазрушение решает другую задачу.

Полученные результаты диагностики и статистического анализа позволяют нам утверждать, что чем менее развитой является личность подростка (автономия, самостоятельность, способность к саморегуляции, управлению), тем выше его предрасположенность к аутодеструкции. В этом заключается установленный нами неспецифический вклад личностного фактора в формирование аутодеструктивного поведения подростка.

Можно предположить, что синергия личностных особенностей и конкретных жизненных ситуаций породит особые психологические черты и поведение, потому что в этом случае личностный фактор будет выполнять функцию модератора (опосредование) между субъективным видением ситуации и выбором аутодеструктивного поведения как стратегии её преодоления (разрешения). Мы считаем, что переход в плане исследования от определения непосредственных эффектов влияния личности на её поведение к нахождению специфических опосредованных и системных эффектов взаимодействия личности (динамическая система) и жизненных условий даст нам более качественные представления о модели саморазрушения.

Такое исследование (в контексте ситуации) мы провели с помощью метода регрессии по технологии модерации, при которой переменные включались в анализ последовательно самостоятельно или как их произведение. Процедура перемножения признаков позволяет учесть эффект их взаимодействия (статистическая возможность).

В первую очередь мы определили вклад фактора личности подростка в оценку им социальной ситуации и аутодеструктивного поведения. Исходя из модели взаимоотношений, мы рассмотрели следующие типы ситуаций: угрозы, давления, самоопределения, противоречивых требований. Мы выяснили, что напрямую субъективная оценка ситуации связана с аутодеструкцией достаточно слабо (средняя корреляция 0,17).

Но опосредованное влияние фактора личности сказывается в том, что процент объясняемой дисперсии при учете в уравнении регрессии эффекта синергии личностной и ситуационной переменных увеличивается на 4–6 % (с учетом типа ситуации).

На следующем этапе исследования мы разделили выборку по критерию субъективного восприятия социальной ситуации на четыре группы (табл. 2). Для каждой группы мы определяли специфический вклад фактора личности в изменение способности разных индивидуально-психологических качеств (переменных) предсказывать аутодеструктивное поведение. Один и тот же подросток мог попасть в несколько групп, поэтому общее количество подростков (сумма) по группам больше 600.

Таблица 2

Разделение выборки на группы по критерию субъективной
оценки ситуации подростками

Тип социальной ситуации	Объем выборки (чел.)
Угроза	249
Давление	115
Противоречивые требования	345
Самоопределение	243

Чтобы оценить эффект синергии (взаимодействия) психологических черт и фактора личности в формировании аутодеструктивного поведения мы определили произведение значений Фактора I и индивидуально-психологических данных (полученных с помощью методик Р. Кетелла, Дембо–Рубинштейн, А.Е. Личко, Е.П. Ильина) для каждого испытуемого. Если Фактор I модератор, то он будет определять направление и силу связи психологии и индекса аутодеструкции. В этом случае произойдет увеличение процента объясняемой дисперсии по сравнению с независимым вкладом отдельных переменных.

Анализ показал, что индивидуально-психологические особенности подростков в исследуемой выборке приносят слабый вклад в предсказание аутодеструктивного поведения. Но под влиянием фактора личности эти же психологические качества объясняют совершение аутодеструктивных поступков в различных социальных ситуациях.

На рис. 1 представлена картина специфического вклада фактора личности в формирование аутодеструктивного поведения.

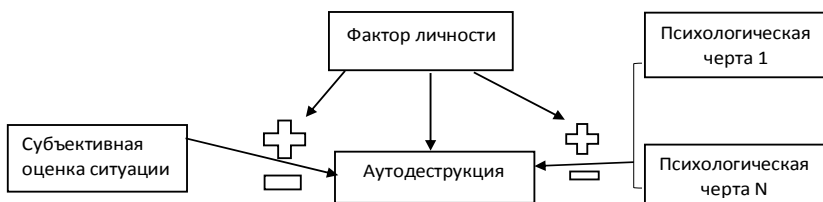

Рис. 1 Специфический вклад фактора личность в становление аутодеструкции

Опишем представленную схему с учетом контекста ситуаций.

В ситуации давления (субъективная оценка респондентов) мы наблюдаем синергию фактора личности (опосредующее влияние на формирование аутодеструкции) и следующих психологических особенностей подростков: неустойчивой акцентуации характера (возрастание доли объясняемой дисперсии на 13 %; $\beta = 0,16$), самооценки напряженности ($\beta = 0,22$); самооценка беспечности ($\beta = 0,12$); расслабленности ($\beta = -0,15$). Проанализировав данные зависимости, мы можем объяснить выбор аутодеструктивного поведения в ситуации давления: чем жестче в восприятии подростка ситуация, тем скорее он желает от неё избавиться, но при этом ничего не предпринимает (не действует). Налицо противоречие: подросток осознает, что с ним происходит, его это не устраивает, но он ничего не делает для изменения сложившейся ситуации.

В ситуации угрозы эффект синергии личности и субъективной оценки ситуации проявляется следующим образом: мера опасности подростком недооценивается. В данном случае слабость личности опосредует действие эмоциональных детерминант: лабильной акцентуации характера ($\beta = 0,21$), флегматичности и её самооценки ($\beta = -0,12$ и $\beta = -0,23$). Снижаются показатели активности и возбудимости и усиливаются переживания от неприятия окружающими. На этом противоречивом внутреннем фоне подростки посредством аутодеструктивного поведения избавляются от состояния уныния и душевной боли, при этом тормозят инициативу и уходят в пассивность. Личностный фактор в данной ситуации не выполняет сохранной функции и не генерирует внутреннюю энергию преодоления.

В ситуации противоречивых требований синергия (системный эффект) проявляется в том, что слабость личностного фактора облегчает высвечивание шизоидной акцентуации характера ($\beta = 0,33$), аутоагрессии ($\beta = 0,33$) и озабоченности ($\beta = -0,27$). В данной ситуации, когда у подростков

обостряется потребность в определенности, аутодеструкция формируется как следствие отсутствия внутренней опоры, стержня. Слабость личностной саморегуляции при отсутствии внешней поддержки и неумении обращаться за ней вынуждает подростка к саморазрушению, самонаказанию. Слабость личностного фактора катализирует негативные процессы.

Результаты модерационного анализа показывают, что в ситуации самоопределения (автономность) значительно возрастает роль внутренних противоречий. Чем выше у подростков коэффициент аутодеструкции по причине нерешенной возрастной задачи в самоопределении и самоутверждении и неконструктивной (компенсаторной) активности в форме рискованного поведения, тем менее свободной воспринимается подростками жизненная ситуация. На основании нашего исследования мы можем добавить, что в условиях дефицита личностной регуляции совершается переоценка свободы, даваемой ситуацией, оценка оказывается сопряженной с внутренним напряжением, переживанием раздражительности и беспокойства. В данной ситуации на формирование аутодеструкции начинают действовать следующие психологические факторы: реалистичность, жесткость и опора на свои силы ($\beta = -0,28$) осознанность поведения и сензитивность к его одобрению ($\beta = 0,23$). Аутодеструкцию здесь можно объяснить как результат разрешения противоречия между стремлением к независимости и следованием общественным нормам, приводящее к «уходу» в группу от самостоятельности и ответственности (слабость личностного фактора). В ситуациях, требующих от подростка сознательного самоопределения возникновение аутодеструкции связано с нарушением функции личности к пластичности (гибкой внутренней перестройке): указанные выше черты указывают на ригидность подростка как в социальных установках и контроле поведения, так и слабой чувствительности к новым жизненным возможностям. Как следствие возникают высокая тревожность и снижение её с помощью аутодеструктивного поведения.

Выводы

Мы утверждаем, что выбор аутодеструкции в различных ситуациях является результатом разрешения подростком внутренних противоречий, образованных интегральным влиянием различных факторов. Фактор победитель становится решающим мотивом поступка, и он определяется уровнем развития личности. Чем слабее личность, тем сильнее поведение подростка будет определяться бессознательным реагированием и стереотипами реакции на ситуацию. Но чем развитее личность, тем выше уровень

внутренней свободы у подростка, тем конструктивнее его взаимодействие с изменчивым континуумом реальности.

Таким образом, осуществленное нами аналитико-статистическое исследование показало важные вклады (общий и специфический) психологических составляющих личности в процессы самодетерминации саморазрушения в различных жизненных ситуациях. Личностный фактор выполняет и опосредующую функцию (модератор) между субъективным восприятием ситуации и выбором подростком аутодеструкции как стратегии её преодоления. Аутодеструктивное поведение подростков обусловлено неспособностью личности к гибкой внутренней перестройке в ответ на конструктивные возможности, открывающиеся в жизненной ситуации.

Литература

1. Бурлачук Л. Ф. Психодиагностика: учебник для вузов. – СПб. : Питер, 2007. – 351 с.
2. Гишинский Я.И., Гурвич И.Н., Русакова М.М. [и др.]. Девиантность подростков: теория, методология, эмпирическая реальность. – СПб.: Медицинская пресса, 2001. – 198 с.
3. Ипатов А.В. Психология аутодеструктивного поведения подростков: монография. – М. : РУСАЙНС, 2019. – 288 с.
4. Казанская В.Г. Социализация подростка в семье и школе: монография. – СПб. : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2007. – 128 с.
5. Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / сост. Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева [и др.]. – М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. – 198 с.
6. Маклаков А.Г., Головешкин И.Д., Головешкина Н.В. [и др.] Проблемы диагностики адаптационных способностей у обучаемых общеобразовательных организаций при решении задач психолого-педагогического сопровождения // Психология XXI века. Теория и практика современной психологии: материалы XI междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. – 2016. – С. 8–14.
7. Реруш Л.А. Проблемы психического развития и их предупреждение (от рождения до пожилого возраста). – СПб. : Речь, 2006. – 320 с.
8. Россия в цифрах. 2018: Крат. ст. сб. – М. : Росстат, 2018. – 522 с.
9. Сидорова А.А. Психологическая диагностика личностного адаптационного потенциала подростков, воспитывающихся в детском доме // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2018. – № 2. – С. 45–58.
10. Федосеев Е.В. Психологическое сопровождение подростков: система работы, диагностика, тренинги: монография. – СПб. : Речь, 2006. – 192 с.
11. Шаболтас А.В. Риск и рискованное поведение как предмет психологических исследований // Вестник СПбГУ. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. – 2014. – Вып. 3. – С. 5–16.
12. Ozer E.M., Macdonald T., Irwin C. E., Jr. Adolescent health care in the United States: Implications and projections for the new millennium / In J. Mortimer,

R. Larson (Eds.) // The changing adolescent experience: Societal trends and the transition to adulthood. – N.Y. : Cambridge University Press. – 2002. – P. 129–174.

13. Steinberg L. A social neuroscience perspective on adolescent risk-taking // Developmental Review. – 2008. – Vol. 28, № 1. – P. 78–106.

14. Shweder R.A., Goodnow J., Hatano G. [et al.]. The Cultural Psychology of Development: One Mind, Many Mentalities. (Revised and Updated) / In William Damon (Ed.). – Handbook of Child Psychology. 6-th Edition. – 2006. – Vol. 1, Chap. 13. – N.Y. : John Wiley and Sons.

Поступила 25.01.2021

Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией статьи.

Для цитирования. Ипатов А.В. Личностный фактор аутодеструктивного поведения подростков // Вестн. психотерапии. 2021. № 77 (82). С. 54–70.

PERSONALITY FACTOR OF AUTODESTRUCTIVE BEHAVIOR OF ADOLESCENTS

Ipatov A.V.

Russian State Hydrometeorological University
(Voronezhskaya Str., 79, St. Petersburg, Russia)

Andrey Vladimirovich Ipatov – PhD Psychol. Sci. Associate Prof., Associate Prof. of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Russian State Hydrometeorological University (Voronezhskaya Str., 79, St. Petersburg, 192007, Russia), e-mail: spbavi@mail.ru.

Abstract. The paper presents a study of the influence of a teenager's personality on self-destructive behavior. The author believes that the main reason for the auto-destructive behavior of adolescents is the peculiarities of their personality development. In this regard, the question is raised about the inner work of the adolescent's personality, its self-consciousness in the genesis of auto-destruction, about what and how in the personality triggers the energy of self-destruction. The aim of the study is to identify the non-specific and specific contribution of the personality of adolescents in the formation of auto-destruction. A comprehensive psychological and mathematical-statistical study was conducted on a representative sample of adolescents (n=600), which allowed us to introduce the complex personality variable Factor I as a key determinant of auto-destructive behavior. The study showed important contributions (general and specific) of psychological components of personality to the processes of self-determination of self-destruction in various life situations.

Keywords: teenager, self-destructive behavior, personality, correction targets, self-destruction factor.

References

1. Burlachuk L.F. Psihodiagnostika [Psychodiagnostics]. Sankt-Peterburg. 2007. 351 p.
2. Gilinskij YA.I., Gurvich I.N., Rusakova M.M. [et al.] Deviantnost podrostkov: teoriya, metodologiya, empiricheskaya realnost [The deviance of adolescents: theory, methodology, empirical reality]. Sankt-Peterburg. 2001. 198 p.
3. Ipatov A.V. Psihologiya autodestruktivnogo povedeniya podrostkov [Psychology of autodestructive behavior of adolescents]. Moskva. 2019. 288 p.
4. Kazanskaya V.G. Socializaciya podrostka v seme i shkole [Socialization of a teenager in a family and school]. Sankt-Peterburg. 2007. 128 p.
5. Metodicheskoe rukovodstvo. Sbornik testov programmno-metodicheskogo kompleksa differencialnoj diagnostiki povedencheskix narushenij nesovershennoletnih «Diagnost-E`kspert+» [Methodological Guide. Collection of tests of the software-methodological complex of differential diagnostics of behavioral disorders of minors "Pest-Expert + "]. Ed. : N.V. Dvoryanchikov, V.V. Delibalt, E.G. Dozorceva [et al.]. Moskva. 2017. 198 p.
6. Maklakov A.G., Goloveshkin I.D., Goloveshkina N.V. [et al.] Problemy diagnostiki adaptacionnyh sposobnostej u obuchaemyh obshheobrazovatelnyh organizacij pri reshenii zadach psihologo-pedagogicheskogo soprovozhdeniya [Problems of diagnosing adaptive abilities in trained general education organizations in solving the problems of psychological and pedagogical support]. Materialy XI mezhdunar. Konferencii : Psihologiya XXI veka. Teoriya i praktika sovremennoj psihologii. 2016. Pp. 8–14.
7. Regush L.A. Problemy psihicheskogo razvitiya i ih preduprezhdenie (ot rozhdeniya do pozhilogo vozrasta) [Mental development problems and their prevention (from birth to old age)]. Sankt-Peterburg. 2006. 320 p.
8. Rossiya v cifrah. 2018 [Russia in numbers. 2018]. Moskva. 2018. 522 p.
9. Sidorova A.A. Psihologicheskaya diagnostika lichnostnogo adaptacionnogo potentsiala podrostkov, vospityvayushhihsya v detskom dome [Psychological diagnosis of the personal adaptation potential of adolescents brought up in an orphanage]. *Vestnik LGU im. A.S. Pushkina* [Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin]. 2018. N 2. Pp. 45–58.
10. Fedoseenko E.V. Psihologicheskoe soprovozhdenie podrostkov: sistema raboty, diagnostika, treningi [Psychological support for adolescents: system of work, diagnostics, trainings]. Sankt-Peterburg. 2006. 192 p.
11. Shaboltas A.V. Risk i riskovannoe povedenie kak predmet psihologicheskikh issledovanij [Risk and risky behavior as a subject of psychological research]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12: Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy]. 2014. Iss. 3. Pp. 5–16.
12. Ozer E.M., Macdonald T., Irwin C. E., Jr. Adolescent health care in the United States: Implications and projections for the new millennium / In J. Mortimer, R. Larson (Eds.) *The changing adolescent experience: Societal trends and the transition to adulthood*. N.Y. : Cambridge University Press. 2002. P. 129–174.
13. Steinberg L. A social neuroscience perspective on adolescent risk-taking. *Developmental Review*. 2008. Vol. 28, N 1. P. 78–106.
14. Shweder R.A., Goodnow J., Hatano G. [et al.]. The Cultural Psychology of

Development: One Mind, Many Mentalities. (Revised and Updated) / In William Damon (Ed.). *Handbook of Child Psychology. 6-th Edition*. 2006. Vol. 1, Chap. 13. N.Y. : John Wiley and Sons.

Received 25.01.2021

For citing: Ipatov A.V. Lichnostnyj faktor autodestruktivnogo povedeniya po-drostkov. *Vestnik psikhoterapii*. 2021. N 77. Pp. 54–70. (In Russ.)

Ipatov A.V. Personality factor of autodestructive behavior of adolescents. *The Bulletin of Psychotherapy*. 2021. N 77. Pp. 54–70.

УДК 316.454.52

Кольцова О.В.^{1,2}, Сухарева Ю.В.¹

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИНТЕРНЕТ-КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ ВИЧ-ИНФИЦИРОВАННЫХ БЕРЕМЕННЫХ ЖЕНЩИН

¹ Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекционными заболеваниями (Россия, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 179);

² Первый Санкт-Петербургский государственный университет имени академика И.П. Павлова (Россия, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6–8).

В статье приводятся результаты предварительного исследования с целью изучения удовлетворенности ВИЧ-инфицированных беременных женщин интернет-консультированием как новым форматом взаимодействия между собой в группе, с психологами и врачами Центра СПИД в период пандемии COVID-19. Проанализированы данные анкетирования 65 беременных в возрасте от 21 до 40 лет, участвовавших в групповом интернет-консультировании в период с 29.07 по 25.11.2020 г. Если сравнивать с традиционной формой консультирования, которое проводились «лицом к лицу», по результатам данного исследования интернет-консультирование можно считать более привлекательным для беременных женщин, наблюдающихся в Центре СПИД. Результаты анкетирования, проведенного в рамках данного исследования, с одной стороны, показали хорошую осведомленность пациенток по теме приверженности АРВТ, профилактике пе-

✉ Кольцова Ольга Владимировна – канд. психол. наук, зав. отделом мед. и соц. психологии Центра по профилактике и борьбе со СПИД и инфекц. заболеваниями; доцент каф. общей и клинич. психологии, Первый С.-Петерб. гос. мед. ун-т им. акад. И.П. Павлова, (Россия, 190103, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 179), e-mail: ovkoltsova@yandex.ru;

Сухарева Юлия Владимировна – мед. психолог, Центр по профилактике и борьбе со СПИД и инфекц. заболеваниями (Россия, 190103, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 179, e-mail: julia.rusk@mail.ru).